

Однажды в тени звезд

фантастический рассказ

Глава 1

Ночной сумрак материнским теплом обнимал его на этом диком пляже. Волны, исчерпав ярость и отчаяние, мягко касались ног, шепча: никто не придёт и ничто не случится, он останется здесь один, пока не найдёт ответ. Мрачное предгрозовое небо нависало низким куполом, терзаемым ветром, сверкало искрами звёзд - отражений в осколках разбитого зеркала, усеявших его сферу. То, что люди принимали за звёзды.

Он не умел стареть, в отличие от них. Когда-то, в далёкой юности, ему, как и многим, явлен был соблазн — вспышка странного смятения, озарившая его бесцельную до того жизнь. Инсайт пришёл и ушёл внезапно, оставив глубокий след: реальность после Изгнания стала невыносимой, пугающей.

Но Свет, чьи слабые лучи пробивались сквозь чёрный капюшон, что душил его, забыть было невозможно. Он умрёт вместе с ним - если вообще умрёт. Слёзы и боль утраты давно высохли, сменившись пониманием: он не с ними. И это не его выбор. Годы пролетали мимо, пока он, шаг за шагом, кирпич за кирпичиком, выстраивал страну, краешек которой открылся ему лишь однажды.

Порой ему чудилось, что руки, возводившие эти стены, — не его. Он отгонял эти мысли. Синдром дереализации — проклятье таких, как он.

Старение и болезни были лишь метафорой для тех, кто цеплялся за звёздное небо: Ошибка и Уход. Но для него звёзд не существовало, как не было лет и времени - только кокон, обрушившийся на него столь безжалостно. И выбираться из него приходилось, хочешь или нет.

Но что дальше?

Его разум, словно Падший Ангел, изгнанный из гармонии миров, блуждал в хаосе внутренних диалогов. Голоса, подобно ветрам, рвали тишину одиночества, шептали о вечных истинах, которые он не мог ни принять, ни отвергнуть. Они были его проклятием, но и единственными спутниками в этом затянувшемся сумраке.

Крылья — или их обломки — застряли на границе света и тьмы, между "я" и "не-я". Он тянулся к звёздам, но дрожащие руки цеплялись за воспоминание о тепле, что манило туда, где границ не было. "Не уходи," — шептал голос, знакомый и чужой, как родное дыхание, что душит, но держит.

Каждый шаг по песку вёл в никуда, каждая мысль — в лабиринт иллюзий. Он был заколдованным королём в царстве без рубежей, где камни хранили воспоминания, а волны напоминали о падении. Это был экзистенциальный кризис, где вопрос "что дальше?" звучал не призывом, а эхом в пустоте.

Если он уходит - куда? Не к Свету - путь туда закрыт. Не в ад - он уже здесь, где границы растворяются, а отражение в битых осколках кричит о других мирах, но молчит о нём самом. Уход мог означать лишь переход - в иное, запредельное состояние сознания, где свет, возможно, откроется заново. Но уже не так, как прежде.

Если он остаётся - то как? Пленник собственного разума, он должен был найти способ жить среди этих осколков себя, собирать их в мозаику - новую, пусть искажённую, картину реальности. Его мир - калейдоскоп, где каждый поворот рождает новое видение.

Но выхода нет.

Глава 2

— Слушайте, нет. Боюсь я их. Почему опять ко мне с этим?

Кабинет Фрода Аспера, недавно назначенного и.о. научного руководителя филиала Института Психологии, был залит полуденным солнцем.

— Энн, я всё понимаю. Но пойми и ты: отпуска, народ разъехался. А работать надо.

За окном раскинулся недавно разбитый сад, где как раз копошились садовники. Открытые створки пропускали стрекот кузнечиков, и вся эта летняя благодать простиралась далеко — до смутных силуэтов Города, едва различимых в дымке у горизонта. Здание Института было новостройкой в центре небольшой пустоши — обособленный клочок земли, будто вне времени и пространства, со своими законами.

Энн Келлер, старший научный сотрудник, не отрываясь, смотрела на своего шефа с холодной злостью. Как объяснить, чтобы даже этот выскочка - внешне такой демократичный, в джинсах и футболке, — её понял?

Смущённый Фрод, ещё не освоившийся в высокой должности, по-мальчишески взъерошил волосы. И зачем такие красивые девушки идут в психоаналитики? Им не место там, где всё началось с фрейдовской пансексуальности, разбрызганной, как подростковые грезы по скамейкам весеннего парка.

— Поймите, я не следователь. Я врач, не криминалист. Да, интернатуру проходила в клинике закрытого типа... но это было давно. В юности.

"Вот стерва. Нет уж, я для тебя строгий и непреклонный начальник."

— Энн, нужен просто твой анализ. Хотя ситуация и непроста. Парень под подозрением в некоем скверном, но улики нет. Пощупать его попросил профильный отдел. Ты же знаешь, не всем в этом мире повезло заниматься светлыми темами, как нам с тобой. Я не мог отказать.

Она уже поняла, что придётся браться. С начальством не поспоришь — даже если оно такое, с плейбойским взглядом, то и дело норовящим скользнуть под блузку. Впрочем, сексапильность от работы не спасает, вопреки слухам.

— Психологический профайл, структурный психоанализ. Диагностика, клиническая картина. И всё. Устроит?

Глава 3

Ретроспекция 1

— Энн, в понедельник твой доклад-презентация по Проекту. Не забыла?

Послал же ей Бог нового начальника. Впрочем, бывало хуже... Нет, не хочу и не буду вспоминать.

— Фрод, я работаю над этим.

Вот так. Всё сухо и формально: отношения с начальством не ладились. И ей явно не хотелось отвечать, каких перемен она ждёт - или не ждёт вовсе.

Рабочий компьютер монотонно гудел. Даже выключить или включить его Энн не могла — это было в ведении Нейронной Сети Института, что следила за каждым байтом, скрупулёзно сохраняя данные. Сегодня её это особенно раздражало.

Она мыслями вернулась к недавним событиям. Казалось, всё было вчера, а ведь прошёл почти год.

Никто уже не помнил, как родилась идея Проекта, что наконец-то стал знаковым в списке работ Института Психологии. Кажется, кто-то из прежней администрации увлекался редкими книгами древнего писателя — создателя и вдохновителя Ордена Командоров, увидевшего свою миссию в охране детства. Или, может, у одного из Инициаторов Проекта были личные причины взяться за такое? Да какая разница.

Порой Энн ловила себя на том, что мысли этого древнего мудреца, мастера медитации и дзен-буддизма, были ей настолько близки и понятны, что, казалось, принадлежат её современнику — человеку, для которого и она сама и её детство были, в свою очередь, понятны и близки. Его слова "Приложи подорожник, и всё пройдёт" казались ключом к тайнам - простым, но глубоким, как дыхание звёзд. Придёт же такое в голову!*

Ладно, не суть. Важно одно: их Институту доверили заложить фундамент новой области психологии, которой предстояло перевернуть так много, что дух захватывало. Антидепрессанты и транквилизаторы уходили в прошлое; тяжёлые расстройства психики, корни которых тянулись в детство, переставали быть болезнями, открывая дверь в Незведанное.

Психологические травмы, тревога, депрессия — независимо от их глубины — теперь, в свете новых идей, представлялись трещинкой на скорлупе яйца. Перед каждым вставал выбор: замазать её, лихорадочно склеивая осколки, чтобы остаться в уютном гнёздышке, или разбить скорлупу и шагнуть в мир — стать, наконец, взрослым.

Не верится, что такое возможно? А оно возможно. Достаточно взглянуть иначе. Институт готовил Глобальную Трансформацию — к этому были прикованы все силы, но детали держались в секрете. Ведущие специалисты Института возглавят процесс, волонтеры поддержат на местах, но выбор каждый сделает сам — в светлое будущее силком никого не потащат. Хватит с Земли таких экспериментов.

Так менялось всё. Расстройства психики переставали быть недугом, становясь вратами в То, Где Не Бывал Раньше. Говорят, другой древний Автор, современник Командора и хорошо с ним знакомый, называл это "инициацией третьей импульсной". Здесь уже начинались легенды и предания, открытые для любых толкований.

Институт Психологии готовился к эпохальному шагу — не просто научному открытию, а перерождению мира. Специалисты завершали расчёты, отлаживали протоколы, формировали первые группы. Глобальная Трансформация сознания планеты начнётся с них — тех, кто еще в стенах Института заложил основу новой реальности. Это будет чёткий, выверенный процесс, где каждый этап продуман до мелочей.

Сначала стартуют пилотные зоны — центры, в которых Институт внедрит новые психотехники в первую очередь. Специалисты Института войдут в дома, школы и офисы, применяя методы, растворяющие двойственность сознания подобно тому, как растворитель смывает старую краску.. Люди перестанут делить мир на "я" и "не-я", открывая единое пространство, где каждый становится зеркалом другого. Это станет первым этапом: пробуждение, первые шаги к языку, что свяжет внутреннее с внешним.

Затем эстафету примут волонтеры — агенты перемен, разбросанные по странам и континентам. Они принесут трансформационные протоколы в деревни, мегаполисы, даже туда, где нет электричества. Их инструментарий — не тома инструкций, а психологические практики, слова и жесты. Они научат людей смотреть на звёзды не с тоской, но с пониманием: звёзды — это они сами. Так начнётся второй этап: сеть сообществ, где индивидуальный выбор — остаться в скорлупе или шагнуть в мир — станет всеобщим.

Техническую основу обеспечат Резонаторы Сознания (РС) — автономные модули с нейронными матрицами, размером с небольшой куб (50х50х50см). Их установят в ключевых точках — городах, поселениях. Каждый станет узлом, синхронизирующим когнитивные процессы с целью устранения субъектно-объектной дихотомии.

Резонаторы излучают низкочастотные когнитивно-рефлексивные импульсы (КРИ) — волны, настроенные на резонанс с альфа- и тета- ритмами мозга. Посредством чего реализован психологический инвайт, импульсы которого не принуждают, но — приглашают: человек, оказавшийся в радиусе действия (около 50 метров), ощущает необыкновенные психологический комфорт и ясность, мысли его будто выстроены в единый поток сознания. Резонатор сканирует нейронные паттерны через биометрию — дыхание или тепло тела — и проецирует ментальный резонансный контур (МРК).

Волонтёры получают переносные эмиттеры КРИ — компактные версии Резонаторов, активируемые голосом или жестом, умеющие создавать локальное поле радиусом 5 метров.

Задача волонтёров — обучать людей входить в МРК. Эмиттеры синхронизируются с ближайшими Резонаторами посредством квантовой корреляции, усиливая сигнал.

Теперь достаточно сформулировать любой вопрос, чтобы мгновенно получить ответ. И все это еще только самое-самое начало.

Вы подумали, речь о фантастическом супраментальном Wi-Fi, новом способе прямого подключения к сетям Общемирового Компьютерного Радиуса, опоясывающих планету? Вы ошиблись. Описанное — одно из свойств сознания, которому, ввиду устранения бинарности, неведомы депрессия и тревога. То, что со времен Сартра обещали экзистенциалисты. Время пришло.

Рональд Дэвид Лэйнг в "The Divided Self" (Расколотовое Я, 1960) описал растворение границы "субъект—объект" в психозе, понятном им не как заболевание, но — попыткой преодоления экзистенциального кризиса, где внутренний голос становится Миром; Станислав Гроф в "LSD Psychotherapy" (1975) сумел увидеть то же самое в спонтанных откровениях под психоделиками; — реальность, что невероятнее любой фантастики. Раздвоенность сознания навсегда исчезает, оставляя незнание за гранью пройденного — как если бы сети компьютеров стали лишними для разума, что сам несёт свою ответственность и свои ответы.

Но не будем углубляться в детали: все еще только будет. А пока это Тайна.

На первый взгляд, всё выглядело просто и логично. Не так ли?

Но только на первый взгляд. Сложные тезисы, уходящие в тёмную глубину веков, тексты индуизма и дзен-буддизма, полные архаичных метафор, переработанные экзистенциалистами XIX–XXI веков и осмысленные языком психоанализа — да ещё с опорой на практику доказательной медицины — нужно было облечь в образы, понятные всем и близкие большинству. Как, скажите, простыми словами объяснить, что бинарность сознания лежит в основе не только тревоги и депрессий, но и многих-многих иных невзгод человечества? Как сделать так, чтобы слушатели — от адептов религий и учёных-атеистов до мистиков и скептиков — не завывали хором, какого единства за ними отродясь не водилось?

И Энн придумала. Она расскажет Сказку. Ведь даже самые заклятые враги сходятся в одном: мы все когда-то были детьми. Это наш общий язык. "Приложи подорожник, и всё пройдёт" — простая истина, стоящая порой целых томов мёртвых академических трудов. Ей казалось, эти слова способны разогнать любую тьму.

Энн написала небольшую историю, объясняющую суть их работы доступным языком. Её текст чуть-чуть — увы, лишь самую малость, и то вряд ли — напоминал поэтику того самого древнего Автора, чем она втайне гордилась. А вдруг и у нее есть литературный дар?

Но её замысел застрял на самом интересном месте. Слишком много навалилось дел, не терпящих отлагательств. И времени вернуться к этому — не самому важному в её научной рутине тексту — увы, просто не оставалось.

*Крапивин. Вероятнее всего, Энн простодушно ошибается, принимая Владислава Петровича за древнего буддиста и мастера медитаций. Хотя, кто знает, как все происходило в её мире, на её грани Великого Кристалла (прим. Автора).

Глава 4

Рассказ Энн Келлер. Черновая редакция (не закончено)

Где-то очень-очень далеко — на другой планете, а может, в другой галактике — жил-был Мальчик. Как и мы в детстве, ночами он смотрел на небо, мечтая о звёздах. Но, в отличие от нас, ему редко бывало весело.

А ещё Мальчик любил деревья. Ему казалось, что они живут в каком-то ином времени — или вовсе вне его. Его вечная тоска по ушедшим годам — кстати, нигде не сказано, что Мальчик был юн — растворялась, когда он смотрел на деревья.

Будто лес нашептывал ему то, что ушло, казалось, навсегда. Странно, не так ли?

Что рождало эти сны, тёмные и зыбкие? Кто знает. Может, тени школьных обид или отголоски дома, где стены молчали громче слов. Нам, землянам, не понять инопланетянина.

Так или иначе, однажды ночью явилось Странное. Мальчик понял: он ошибался. Звёзд не было.

Лишь чёрный космос раскинулся над ним — капюшон, обнимающий планету. Непрозрачный, местами прохуdivшийся и дырявый, он походил на старый шатёр цирка-шапито, где погасли огни, а бесстрашных артистов переманили ловкачи из столичного Цирка дю Солей. Сквозь прорехи лился свет — тот, что принимали за звёзды.

Словно мир спал в сияющем коконе, в скорлупе исполинского яйца. А Чёрное Пространство - страж, охранявший его глаза от Света, что без Тьмы ослепил бы.

Болезнь прогрессировала. Тьма подступала — или росла в нём самом? — но видел это лишь он. Люди, мгновения, время — всё тонуло в темных волнах. Как рассказать о подобном? Никто не понял бы его. Он был один.

Представьте: разноцветную фигурку опустили в одноцветный раствор, и вы различаете лишь то, что выделяется на общем фоне.

Нет, не так.

То, что звалось миром, растаяло. Официант приносил бокал, наполненный пустотой, а джаз-банд играл, заглушая жующие рты.

Нет, вновь не то. Я не знаю, как описать. Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Всё исчезло — очертания, смысл, суть — в её безмолвной пучине.

Тогда Мальчик понял: страх, что терзал его под звёздами, был рождён их отсутствием. Как на изображениях, где образ двоятся — один видим, другой скрыт. Оба взгляда равноправны, но что, если один из них — тень, а другой — свет? И ты, не зная, принимал мрак за пламя, иллюзию — за истину.

Что и порождало рвущуюся наружу тревожность - протест души. Так яснее? Или всё ещё нет?

Угол зрения сместился, мир дрогнул. Теперь он видел в обиде не злость, но боль другого, просившего принять часть ее. Он мог взять у него эту боль — или отвергнуть, несмотря на просьбы. Да, но и это лишь начало.

Годы, возраст, недуги — он видел их теперь как блики света, танцующие на ткани тьмы.

И снова я не в силах объяснить.

Будто блестящий, твёрдый предмет перед глазами вдруг стал строчками кода, где лишь сухие цифры описывали на экране его свойства. Всё то же, но иначе — под другим углом. Не давя, как раньше, непомерным грузом.

Отпустив его, Это с новой силой завладело другими. Страх перешёл к ним, а Мальчик стал неуязвим для пугавших его прежде. Словно маленький шарик, ускользал он в угол меж стен и пола, переводя дух. Слепые громадины шаров его нового мироздания могли пыхтеть до конца времён, силясь его достать.

Но тщетно.

Глава 5

Независимая комиссия по расследованию

Результаты расследования инцидента. Прецедент Энн Келлер

Институт Психологии

Дата инцидента: [ДД.ММ.ГГГГ]

Отчёт составлен: [ДД.ММ.ГГГГ]

Этот документ — официальное заключение независимой комиссии, созданной для расследования инцидента, имевшего место в Институте Психологии. Все выводы основаны на собранных фактах, свидетельствах очевидцев и анализе событий.

Комиссия практически единодушно пришла к выводу, что при расследовании необходимо учитывать специфику работы Энн Келлер за последние полгода. Проект (ID: 34R9s, код допуска 3), в котором она активно участвовала, был направлен на адаптацию психотехник — от текстов, насчитывающих тысячелетия, к современным авторским методикам Института.

В частности, концепции дзен-буддизма, уходящие корнями в Упанишады (500–700 гг. до н.э.), вплелись в экзистенциализм через наследие, вероятно, Киотоской школы. Нисида Китаро, её основатель, известен как создатель синтеза восточной и западной философии. В его трудах, таких как "Исследование добра" (1911), появляется идея "места абсолютного ничто" (basho) — пространства, где субъект и объект не просто соприкасаются, а сливаются в единую реальность. Это перекликается с восточными учениями, но выражено языком, доступным современной мысли.

Экзистенциализм подчёркивает свободу, выбор и индивидуальное бытие. Хотя его корни — в европейской традиции (Кьеркегор, Хайдеггер, Сартр), идеи о том, как человек создаёт мир через восприятие, находят отголоски в восточной философии.

Работа с подобными техниками повлияла на психику впечатлительной девушки. Что вылилось в инверсию, которую психиатрия эпохи Общемирового Компьютерного Радиуса склонна считать "мужской экзистенцией в теле женщины". Медицинский профайл Келлер подтверждает: тревожное расстройство, будучи ключевой симптоматикой, не только не сгладилось в процессе работы — вопреки ожиданиям научного руководителя (служебный отчёт 23/2 от 12.05.2***) — но нашло выход в перверзии.

Гипотезу экспертов проекта "Global Shadow" о преднамеренных действиях неизвестных сил, направленных на срыв Проекта, комиссия отвергает как необоснованную.

Резюме: Выводы комиссии считать окончательными, дальнейшее расследование прекратить. Энн Келлер освободить от должности старшего научного сотрудника в связи с состоянием здоровья и невозможностью исполнять обязанности. И.о. заместителя руководителя по научной части Фроду Асперу объявить строгий выговор.

Решение принято всеми членами комиссии, кроме одного голоса.

Глава 6

В коридоре послышались шаги конвойных. Энн вздохнула, собираясь с мыслями перед предстоящим.

За годы психоаналитической практики она не сумела привыкнуть к этим встречам. Заикалась и путалась, боялась поднять взгляд от бумаг. Выручал простой приём, подсказанный коллегой, что раскусил её панику: представить, будто под столом, справа, сидит кот. Её личный Кот.

Да, такой вот нехитрый трюк. Вы никогда не слыхали про тульповодство? Погуглите, если так.

Полосатый, домашний, ласковый котик, которого она забыла покормить в утренней спешке. И теперь, когда перед ней, включенным в следственную группу Института Психологии экспертом, в электронных браслетах сидит очередной убийца или насильник с сорванной крышей, мрачно глядя тусклым, деланно равнодушным взглядом, — она думает о своём кошачьем подопечном, а допрос отходит на второй план. Глаза её, в свою очередь, тускнеют, взгляд пустеет, зрачки чуть расширяются — идеальная маска опытной следачки, прошедшей огонь и воду. Бойтесь меня, серийные убийцы и извращенцы. Так-то лучше.

Кабинет, скрытый в недрах закрытой зоны Всемирного Института Психологии, был обставлен скупом — минимализм, словно нарочно подчёркивавший хаос сознания в противовес порядку анализа. Здесь всё балансировало между фрейдистским рационализмом и юнгианской символикой, не решаясь выбрать сторону. Это забавляло.

Мягкий полусвет, будто бы морского заката, лился от неярких ламп. Стены, обшитые светлым, почти белым деревом, дышали уютом и чистотой, но избегали больничной стерильности. На одной из них — сколько раз просила убрать! — висела репродукция: абстрактные формы, меняющие очертания под разным углом, — тест Роршаха, молчаливо раскрывающий душу очередного бедолаги. Ковёр с приглушённым узором глушил шаги, создавая тишину и конфиденциальность, нужные для глубоких сессий. В центре возвышался массивный стол из тёмного дерева — святая святых. А лёгкие кресла и журнальный столик из другой, психотерапевтической жизни остались лишь в памяти. Энн, как всегда, вздохнула. Ладно, всё.

Тревожный гудок электронного сигнала. Нажатие кнопки — дверь разблокирована. "Заходим."

Тот, кого ей предстояло допросить (паттерн 3, подозрение в совершении теракта), сидел перед ней. Руки и ноги в эластичных металлических гнёздах, утопленных в кресле — удобном, явно вдохновлённом конструкцией психоаналитической кушетки. Энн вывела на дисплей шаблон протокола и впервые взглянула на подопечного.

Как всегда, впечатление тягостное. Одутловатое лицо, мутный взгляд — след транквилизаторов. Массивный, но скорее тучный, чем крепкий. В метро она бы рванула в другой конец вагона, заведя такого, но здесь бояться нечего: кабинет под контролем уровня "контакт с психотиком", рядом охрана, готовая ко всему. И искусственный интеллект, неусыпно следящий за ситуацией без её участия.

— Добрый день. Представьтесь, и начнём. Ваше имя?

Глава 7

Лихорадочное утро, как всегда, сулило недобрый день.

— Ты в форме сегодня? Этот тип молчит, как статуя Командора — нет, Святые Хранители, не того, другого. Если опять начнёт бормотать про звёзды, отправлю вас обоих в бездну. У меня, поверь, есть связи в космическом агентстве.

— Я постараюсь, Фрод. Но шутки сейчас не к месту, ты же знаешь. Я часть мира его нарциссических проекций. Не сбивай меня.

— Я не шучу. Если ваш совместный полёт с этим космонавтом сорвётся, твоя карьера полетит в топку вместе с ним. Пусть это станет основой вашей общей Вселенной.

Анализант лежал на медицинской каталке, зафиксированный по строгим правилам для криминальных реципиентов группы V. В крови — кетаминный коктейль с ноткой диазепама. Оттого ли, или по иной причине, он видел себя и всё вокруг будто со стороны. Мир казался фантастичной RPG — фотореалистичная графика, погружение до дрожи.

— Энн, нужен результат. Смежники ждут. Нам, филиалу, только начавшему самостоятельный путь, нельзя их подвести. Делай что хочешь, но вытряси из него правду.

В ней снова вспыхнуло раздражение.

— Делать что хочу?

— Ну... в рамках врачебной этики, разумеется.

— Кстати, кто он такой? Почему ты зовёшь его космонавтом?

— Кто он? Да лунатик какой-то. Сосредоточься на феноменологии, остальное сейчас не важно. И не тяни — он нам совсем некстати. Закончишь с ним, и форсируем твой главный проект. Время не ждёт.

Фрод вылетел из кабинета, будто на крыльях любви. Она поймала себя на досадной мысли: ничего подобного. Впрочем, ей-то что? Чертово начальство — везде одинаковое.

За окнами сад растворялся в солнечном свете. В воздухе висела тревожная взвесь.

Всю жизнь он был изгоем.

Хотя нет, не всю. Детство было иным. Но и оно не вызывало ностальгии.

Школьные годы вспоминались чередой унижений. Кроме, странное дело, первых классов. Потом неугомонная мать перевела его в специализированную школу — "у мальчика светлая голова, я одна знаю, как ему лучше!" — и началось. Спасала бабушкина комната на другом конце города, где он проводил теперь каникулы, праздники, выходные.

Там он был другим. Не тем, что дома или в школе. Но наступал понедельник, и ужас возвращался. Буллинг одноклассников, многие прошли через это.

Среднюю школу кое-как закончил, и с образованием было покончено. "Привет от сыночка, мама, как дела на небесах? Надеюсь, лучше, чем у меня. Удружила двадцать лет назад. Хотя о чем ты тогда думала? Явно не обо мне."

А дальше? Память вспыхивала неверным светом свечи на ветру, выхватывая что-то смутное, и гасла. Где он? Что с ним?

Он здесь. Его выкатили из лифта и везут по ярким коридорам. Свет режет уставшие глаза.

Унижения продолжились и во взрослой жизни. Поначалу. Пузырь надувался и лопался от чего угодно. А потом явилось странное. Эмоции выгорели, как дрова в натопленной печи. И жить стало легче: он сделался бесконфликтным, лёгким, весёлым. Жизнь, "которую в любую минуту мог с себя сбросить, как сбрасывают изношенное платье, уже не казалась такой страшной" — как было для узника номер 34 Эдмона Дантеса.

Однажды он попытался. Не напоказ, без истерик в соцсетях — обдуманно, в одиночестве. Спас звонок друга, выдернувший его из тёплой, уже розовой от крови ванны.

Больше он не пробовал. Бессмысленность осталась верной тенью, но его самого почти не стало.

Лампы дневного света мелькают над головой в полутьме коридора, как огоньки в окнах ночного поезда. Или звёзды в иллюминаторе... хотя нет, те равнодушно стоят на месте, как ни мчись. Господи, как давно это было.

Транквилизаторы сковали сознание, но память, кажется, ожила.

Мудрые йоги идут к этому годами. У него вышло разом, почти случайно. Что такое Личность, никто не знает, но она исчезла — свалилась с плеч, тяжёлая, как камень. Стало легко и приятно. Словно пресловутый их кетамин пополам с бензодиазепином.

А особую радость приносила мысль: всё когда-то кончается, даже это. Часто снилась война, пламя ядерного огня, смерть. Страх не было — он смотрел на это с удовольствием, как на голливудский ужастик или AAA-игру с шейдерами и трассировкой лучей.

Почему бы и нет?

Глава 8

Аудио стенограмма допроса, № 12/4

Режим символдрамы включён, глубокое ментоскопирование активировано.

Электронные ходики на стене ровно тикали, создавая приятную иллюзию уюта. За окном переливалось июньское лето — благодать да и только.

— Я здесь, чтобы понять ваш мир. Рассказ о себе иногда помогает. Скажите, бывало ли, что люди вокруг не понимали вашего мира?

Интересно, клюнет ли на простенькую провокацию — "я" против "них"?

— Все вокруг идиоты. Не видят сути вещей.

Клюнул, молодец. Так, что у нас: диссоциация или бред величия?

— Интересно. Что такое "суть"? Чувствуете ли вы себя одним из немногих, кто её видит?

Всё по науке, как учили. Подыграем твоей исключительности.

— Я вижу больше, чем они. Это и счастье, и проклятье. Я вижу себя и всё вокруг будто со стороны. Нереально — и я сам нереален. Не знаю, кто я и что со мной.

"Деперсонализация-дереализация? Уже теплее. Продолжай."

Что рассказать этой тревожной девочке, уверенной, что раскусила его и ведёт, куда хочет?

Как сознание бьётся о самое себя, будто волны о волнорезы пляжа, не в силах пробиться внутрь, не постигая непостижимое? Такое происходит помимо воли, и годы ушли, чтобы лишь увидеть звёзды над головой — не приблизившись к ним ни на шаг. А как хотелось!

Для чужих глаз все это — психосоматика, вызывающая приступы головной боли, повышение давления... дикая депрессия, что тянулась за ним, как тень.

Любые попытки изменить положение вещей отнимали силы — немногие, что были. Со стороны — очередной лентяй, валяющийся сутками на диване, неспособный гвоздь забить. Ему и самому так казалось. Пока не явился Он — будто со звёзд, из развоплощенной мечты детства.

Его полная противоположность. Эта дурочка не поймёт. Психфак за плечами, может, короткая ординатура. Да и сам он не понимает то, что всё быстрее и быстрее кружится в голове...

Допрос тянулся второй час, а они топтались на месте. Нет, так не пойдёт.

— Расскажите о себе.

— О себе?

— Начните с друзей. Есть у вас друзья?

Прежде, чем он ответил, еще до взгляда на детектор состояний она ощутила: попала в точку. Кот потёрся о ногу и одобрительно мяукнул.

— Друзья... один есть. Да.

"Спокойно, не торопись."

— Почему вы считаете его другом?

— Понимаете... он умеет слушать. Это редкость. Люди слышат только себя. А он... он заставлял слушать его — без всяких усилий. Все внимали ему, и хотелось ещё.

"Хм, нащупала. Не ожидал. Теперь не отстанет. Как же ты угадала, малышка?"

— Чем объяснить эту притягательность? Что за странный дар у вашего друга?

— А зачем вам это? Он ничего дурного не сделал. Почему вы всё о нём?

"Классический психопат. Даже сейчас, когда решается его судьба, он тянет одеяло на себя. Из тех, что хватают за пуговицу, таращат глаза и бубнят, пока собеседник не обессилит. Бытовой вампирчик, знакомый всем. В предварительном анализе коллеги не ошиблись."

— Рассказывайте. Времени у нас достаточно.

Уверена? Кажется, он начал вспоминать. Обрывки памяти — его и чужой — шевелились в угасшем было сознании. Но транквилизаторы всё ещё мешали.

Глава 9

Стенограмма совещания. Инцидент Келлер. Код допуска: высший. Совершенно секретно

Фрагмент 1

Участники:

Присутствуют лично:

Фрод Аспер, и.о. научного руководителя Института Психологии

Макс Отто Люрингоф, профессор теоретической физики Гейдельбергского университета

Курт Вацлоу, профессор астрофизики Кембриджского университета

Вацлав Шикофф, профессор медицинских наук Каролинского института

По видеосвязи:

Сикорски, зам. директора Генерального директората внешней безопасности (DGSE)

Лансдорф, глава Объединённого комитета начальников штабов

Аспер: Уважаемые участники, наше импровизированное совещание считаю открытым. Всем вам известно, благодаря чему мы здесь. На повестке дня обсуждение возможности того, что инцидент Келлер выходит за рамки должностного проступка или непрофессионализма, что привело к тяжким последствиям. Есть мнение — источник вам хорошо знаком, — истинные мотивы произошедшего не совпадают с психопатогенным сценарием пациента, проходившего глубокое ментальное освидетельствование в Институте.

Шикофф: Позвольте сразу к делу. Сотрудник Института и обследуемый — оба в коме средней тяжести, если я верно понял ваш закрытый пресс-релиз. Утечек нет. В чём суть проблемы?

Аспер: Моя позиция: спекуляции аналитического отдела "Global Shadow" беспочвенны. Произошла неосторожность — возможно, преступная халатность сотрудника, обернувшаяся трагедией. Любые попытки возвести все это к космогоническим абстракциям - неоправданны.

Ошибка заключалась в применении запрещённых методов дознания. Энн, человек высоких моральных принципов, поддалась эмоциям, используя гипноз — что несовместимо со стандартами свобод личности. Противоречие усугубило проблему, будучи подвергнуто вытеснению в иные пласты сознания. Таким образом, используя запрещенный прием с целью добиться успеха, Энн Келлер неосторожно открылась на втором, скрытом слое психики. Чем и воспользовался злоумышленник, оказавшийся, отдадим ему должное, талантливым манипулятором.

Победа на уровне сознания привела к поражению в тени — векторы данных уровней противоположны. Состояние подозреваемого после допроса и кома Келлер, обнаруженной на следующий день в своей квартире в Городе, имеют схожую симптоматику. Причины непонятны, но мы работаем над этим.

Шикофф: Хм, хм.

Сикорски: Вы что-то хотите сказать, Шикофф?

Аспер: Вацлав, не поддавайтесь инсинуациям. У нас год впереди — больше, чем нужно. Келлер не была ключевой фигурой проекта "Новый мир". Её состояние не влияет на ход работ. Это несчастный случай, не более.

Люрингоф: Год? У нас нет года. Шесть, максимум восемь месяцев. Через год любые попытки остановить происходящее станут невозможны. Я предлагаю...

Сикорски: Запишите особое мнение Люрингофа!

Люрингоф: Да не перебивайте же!

Аспер: Позвольте. Я добавлю к сказанному. Расшифровка вскрыла нечто вроде недоброй радости, вызванной тем, что его не узнали. Но космонавт проекта "Лимб" и Келлер ранее не пересекались — это подтверждает анализ бигдаты нейросетей Радиуса.

Этот столь невовремя подвернувшийся нам астронавт страдал диссоциативным расстройством, его личность была расщеплена. В силу стечения обстоятельств, подсознание Энн Келлер отождествило персонажа неоконченного своего рассказа "Мальчик и небо" - с отколовшейся частью личности анализанта. Что, учитывая специфику персонажа, являвшегося иллюстративным способом повествования о некоторых потайных пружинах психики - привело в действие странные механизмы, исчерпывающим объяснением сути которых мы не будем располагать еще долго.

МРТ косвенно это подтверждает. Каковой анализ я и предлагаю вниманию членов уважаемой комиссии с целью внимательного изучения.

Вацлоу: Да, коллега, но в чём психологический смысл подобного отождествления? Я читал рассказ Келлер — там главный вопрос "а что дальше?". У нас нет распутия, цели ясны. Проект существует ради этого.

Шикофф: Где ваш МРТ-анализ? Показывайте! Эта русская манера — беспорядок в подаче данных — либо ступор, либо "космическое сознание". Полифония Бахтина, ни прибавить, ни убавить!

Сикорски: "Oh those Russians". Хороший сингл, Вацлав, мне тоже нравится.

Аспер. Вывел на экраны, взгляните.

Ландсдорф. Господа, я чувствую, что теряю себя во всех этих данных. Возможно, и впрямь рассказ Энн Келлер был был сейчас уместнее, чем все эти ваши чарты?

Аспер. Прошу прощения. Напомню, именно наука — наш якорь. А отнюдь не призрачные тени из беллетристики Энн.

Ландсдорф. А если якорь — это и есть цепь, что держит нас вдали от важного, Фрод? Не рассматриваете такую возможность? Вдруг мы боимся того, что звёзды могут ответить, потому что тогда нам пришлось бы меняться?

Аспер. Меняться? Мы меняем мир, а не себя. Это и есть наша работа. Мы ученые, а не гадалки на таро.

Вацлоу: Аспер, скажите. Вы сами осознаёте, что натворили? Почему автоматика не сработала, когда сознание Келлер начало гаснуть? Такое заведомо невозможно при наших стандартах безопасности. Что это было?

Аспер: Добавлю, ради очистки совести. Исчезло эссе Келлер, предназначенное для Всемирного Симпозиума. В электронных архивах ни черновиков, ни следов... Технически это почти невозможно. Вероятно, сбой Сети Глобального Контроля. Но это был лишь художественный текст, не связанный с научной работой. Пользы от него нет никому, даже Келлер.

Лансдорф: Простите, Аспер, но я не в курсе того, что знают все. Что должно случиться через год?

Шикофф: Да, что за год? Говорите яснее!

Примечание (мелким шрифтом): Стенограмма на этом прерывается ввиду изменения приоритета кодов допуска.

Глава 10

Аудио стенограмма допроса, № 12/5

Режим символдрамы включён, глубокое ментоскопирование активировано.

Это было нелепо, бессмысленно. Откуда на космическом корабле, оборудованном по последнему слову науки и техники, умевшем перемещаться в межзвездном пространстве с околосветовой скоростью - механические часы, давно ставшие анахронизмом на Земле?

Давно. Давным-давно, давным-давно.

Все последние ночи его мучила головная боль, а когда удавалось заснуть - сквозь сон он слышал тиканье этих часов.

Тик-так.

Именно этих, не других. Тикали старенькие ходики его комнаты. Его дома, его детства. Часы, которые бабушка заводила каждое утро, к чему он привык настолько, что даже не

просыпался. Впереди был бесконечный летний день, спешить некуда. И все было иначе. Не так, как здесь, черт бы их всех побрал.

— Чего вы хотите от меня, док?

"Неплохо. Вымотала я тебя, голубчик."

— Хочу, чтобы вы рассказали, как всё начиналось. Подробно.

Забавно, она и правда этого хочет.

— Извольте. Тогда вспомните любую остроумную шутку. Первую, что придёт в голову.

И сам он вспомнил. Космический корабль, проект "Лимб". Дьявольские сны, наваждение. Яркая вспышка — катастрофа, взрыв. Как он мог забыть? Как оказался здесь, где всё иллюзорно?

— Смотрите, что выходит. Так и быть, расскажу напоследок.

— Звучит зловеще, — она улыбнулась, скосив взгляд на кнопку тревоги.

— Мы не говорим прямо то, что вызывает смех. Смысл прячем между строк, акцент — на второстепенном. Главное повисает в воздухе, незримо. Его додумывают слушатели. Хотя "додумывают" — не совсем верное слово.

Что-то не сходилось в их разговоре. Тик-так, тик-так. "Неважная работа, дорогая. Котик мой, где ты? Приди на помощь."

— Вот вам работа подсознания. Два уровня общения. Первый — где ты явно говоришь, что хочешь. Второй — где тоже можно что-то сказать, но кажется, будто не ты это сказал, а я сам додумал.

Один механизм лежит в основе остроумия и внушения. В учебниках вы читали: внушение — это мысль гипнотизёра, принятая за свою. Так и есть. Понимаете теперь связь остроумия, внушения и бессознательного?

Взгляд космонавта вспыхнул. Энн вжалась в стул, рука сама собой потянулась к кнопке.

"Стой. Он в наручниках. Ничего тебе не сделает. Чего испугалась, дура? Гладь дальше своего кастрированного кота."

— Благодарю за любопытный экскурс, — выдавила она. — Это глубоко, мне нужно обдумать. Но как подобное связано с вашим приятелем? Он вас гипнотизировал?

— Прекрасно, вы поняли. Идём дальше.

Эти два уровня — сознание и подсознание — несут разные векторы смысла. Объяснить можно любой абстракцией. Скажем, два потока сознания: вершина айсберга и его подводная часть.

Инициатива ускользала всё больше.

— Энн, что думаете об энергетических вампирах?

— Ваш приятель — вампир?

"Если бы только приятель."

— Ответьте.

— Вампиризм, по современной науке, — психическое расстройство, внесённое нейросетью Общемирового Компьютерного Радиуса в список ГМКБ.

— Отлично. Итак, первый вампир.

Он "работает" на уровне сознания. Хватает за пуговицу, смотрит в глаза, несёт чушь, вызывая головную боль. Всё просто.

А второй живёт на скрытом уровне. Сравним, чтобы понять.

"Кстати, где он? Почему молчит?"

У любого вампира есть своё дерьмо, что рождает жажду. Но утоляют они её по-разному. Порой прямо противоположно.

Первый тянет одеяло на себя — на уровне сознания.

А второй — отдаёт. В подсознании.

— Иначе говоря, мы с вами коллеги? — Энн выдавила улыбку. — Вы психолог?

— Второй способ эффективнее, — продолжил он. — Остроумнее, если угодно. Первый вампир вызывает отвращение, второй — душа компании, обладающий притягательной психопатической харизмой.

— Таков ваш приятель, я поняла. Вы сопротивлялись его харизме?

Он не мог. Не мог сопротивляться. И объяснить ей это сейчас не мог. Это было не в его власти — даже пытаться бессмысленно.

Психопатическая харизма — следствие личности, не нашедшей себя, с кавернами психических пустот, о которых написано в мудрых книгах. Такие люди неглупы, талантливы, но пусты — всё для них и вокруг них бессмысленно. Они полностью растворяются в собеседнике, проявляя искренний интерес, чем и притягивают. Но ничем при этом не жертвуют.

"У них ведь почти ничего и нет. Запомни, девочка. Вдруг пригодится?" - внезапно он почувствовал: здесь у него есть Союзник. Которого эти глупцы проморгали. Ощущение было мимолетным, как легкое прикосновение. Но он привык доверять этому голосу, выделяя из сонма когнитивных искажений.

— Почему? Почему не могли сопротивляться? Что мешало?

"Диссоциация. Вот ключ. Психотик, не невротик, не пограничник."

Глава 11

Аудио стенограмма допроса, № 12/7

Режим символдрамы включён, глубокое ментоскопирование активировано.

— Доброе утро. Как себя чувствуете сегодня?

Энн решила рискнуть с гипнозом — вдруг удастся хоть что-то вытянуть из этого черта. Способ не лучший, но время и начальство поджимали. "Благодари Бога, что тобой пока занимаюсь я, а не химики. Но смотри, лучше бы тебе оказался гипнабельным... тебе же лучше. Начинаем с простого контакта."

— Как чувствую? Как всегда. Ничего нового. Спал хорошо, — он уставился на неё с вызовом.

Зараза. Ладно.

Часы на стене тикали все так же уютно, маятник плавно раскачивался. Сосредоточить его на этом звуке было просто — достаточно самой прислушаться. Тик-так, тик-так.

Её призрачный кот, ревниво мяукнув, сбежал.

То была эксклюзивная методика Института — модификация эриксоновского гипноза как психологическая реальность экзистенциального космоса. Остроумие как внушение, в духе классического психоанализа. Уверенно и привычно она погрузилась в медитацию... "И имела я вас всех, недалёкие мужики."

У Энн не было специализации гипнолога, но учителя на курсе ее хвалили — сдержанно. Интуиция нередко позволяла давать фору самодовольным коллегам, проводя параллели и находя аналогии там, где им и в голову не приходило искать.

Вот и сейчас. Хотя мысль приходила раньше: гладить виртуального кота, теряя фокус на собеседнике — похоже на эпизод романа о Дьяволе, где безопасник Понтия Пилата смотрел на клиента краем глаза, лишь изредка бросая рассеянный взгляд.

Глаза расфокусированы, отлично. А этот твой сверлящий взгляд, ублю... хороший мой, послужит нам точкой отсчета.

Кабинет поплыл, поблёл, словно акварель под дождём. Время и пространство здесь растворились: Энн снова почувствовала себя ребёнком, счастливым и беззаботным. Годы и ностальгия исчезали, хотелось пошалить. Но нельзя — работа.

Звёзды вспыхнули острыми лучами. Тьма сгустилась. Разбить скорлупу и выйти! Это не очень сложно: раз-два, нет и не было никогда уставившегося на тебя наглого взгляда, растворился в незыблемой тверди, в вечной купели которой пульсируют теперь два невесомых, полупрозрачных и хрупких, вибрирующих шара.

Теперь она видела две сферы, два эфемерных мыльных пузыря, поверхность которых была подернута эманациями едва различимых цветных разводов — себя и его. Так здесь выглядели живые. Переливы будили странное чувство — непонятное, но, кажется, приятное. Будто праздничный фейерверк в далёком детстве.

Или это был салют?

"Она видела". Но не глазами — они скорее мешали. Может, "третий глаз" на переносице? Смутные догадки, интерпретации. Манифесты гуманистической психологии пока еще не осмеливались на такие детали.

Что он чувствовал сейчас? Это ведь и был гипнотический раппорт: два подсознания, минуя фильтры реальности — "свой-чужой", внутреннее-внешнее, — сливались в одно. Но их видение могло разниться...

Она осторожно вынырнула из медитации, как улитка из раковины. Готов. Взгляд ушёл — остались только опустевшие глаза, уставившиеся внутрь. Отлично. Но назад, скорее. Туда, где она сохранила себя, не растворившись в протомгле, где нет времени, пространства, субъекта и объекта. А он — нет. И теперь подчинён её воле.

Воля — основа личности. Как объяснял смешной старичок-препод, блестя лысиной и очками под светом ламп, будто на сцене: "Тащите их за собой. Во Вневременье. Туда, где вам привычно, а им — нет."

— Сегодня мы сыграем в простую игру. Вы не против? Хорошо, повторяйте за мной: раз, два, три...

Они знакомы много—много лет, прошедших с Детства. Вместе разглядывали Луну в любительский телескоп, вдвоем мечтали стать космонавтами. Единственный его друг — хорош он или плох, других не было и уже не будет. Друг мог требовать всего — он обязан ему жизнью. Чем была бы его жизнь без него?

Таких, как он, с психологическими травмами, не любят — они изгои, маргиналы. Кому приятно, когда тебе пудрят мозги и отрывают пуговицы? И только один это позволял — обладатель той личности. Той харизмы.

Такова Гармония Мира. Со стороны — банальность: эгоцентрик с жадным взглядом упоенно внушает что-то терпеливо внимающему ангелу.

Но это оболочка. Тот не был ни добрым, ни мягким. Так только казалось, что позволяет своему приятелю всё. Смените точку отсчёта, и вы увидите: агрессор и провокатор — он, а бедняга с пуговицами — жертва.

Что уж теперь. Прощай, друг.

Шар начал движение, по его зыбкой пульсирующей поверхности побежали, будто разбросанные незримой рукой, бледные цветные круги. Теперь это было пугающе.

Молнией пронзила догадка. Она поняла, что произойдет сейчас.

Опрометью ринулась наружу, но не успела.

"Ты наконец узнала меня, Автор?"

Глава 12

Магнитно-резонансная томография (МРТ) головного мозга

Пациент: [*****] Дата исследования: 14 июня 2**** года. Время: 21:45. Место проведения: [*****], Объединенная Европа.

Основные данные исследования:

Метод: МРТ головного мозга без контрастирования, сканирование в режиме реального времени

Общий анализ:

Мозг демонстрирует признаки активности, несовместимой с автономным функционированием личности. Гипокамп и лимбическая система сохраняют слабые, хаотичные импульсы. Префронтальная кора инертна, за исключением ряда фрагментов.

Фокальные аномалии в зонах, ответственных за сознательное поведение.

Префронтальная кора - заметны участки аномального сигнала, что может быть связано с нарушением исполнительных функций, включая решение, планирование и контроль над поведением.

Наличие необычных активностей в областях:

Мозжечок и таламус демонстрируют паттерны, с некоторой долей вероятности позволяющие предположить влияние невыявленного фактора.

Смещение срединных структур мозга.

Заключение:

На основании проведенного исследования возможно сделать вывод, что пациент имел значительные нарушения функционирования головного мозга, которые могли повлиять на его способность сознательно планировать и выполнять действия, приписываемые ему на момент совершения преступления. Эти изменения способны указывать на то, что ответственность за произошедшее может лежать на неизвестных факторах, возможно, связанных с невыявленным сектором.

Рекомендации:

Необходимо дополнительное нейропсихологическое обследование для расшифровки механизмов поведения и сознания на момент инцидента.

Медицинское обсуждение с участием нейрохирурга и невролога для оценки возможности паллиативной терапии и поддержки жизненных функций.

Подпись врача: *****

Печать

Приписка от руки неустановленного сотрудника лаборатории: "Непонятно, как он вообще мог сделать что-либо, кроме как под себя сходить, идиоты. Ваши костоломы там совсем <непечатный сленг, характеризующий половое возбуждение как обоснование нелогичных бессмысленных действий>??" Подпись отсутствует, по факту неустановленного авторства ремарки инициировано административное расследование.

Глава 13

Служебная записка

Конфиденциально. Код допуска: 4

От: Мэтью Коган, руководитель научной группы "Global Shadow"

Кому: Фрод Аспер, и.о. научного руководителя Института Психологии

Дата: [ДД.ММ.ГГГГ]

Тема: О выявленных аномалиях и рекомендациях по обеспечению безопасности проекта

Сообщение получено [ДД.ММ.ГГГГ] посредством автоматизированной системы экстренной коммуникации ОКР версии 7.3.2, сертифицированной для трансляции данных с приоритетом "Альфа".

Уважаемый м-р Аспер,

Считаю необходимым уведомить о выводах технической группы проекта "Global Shadow". Анализ показывает, что флуктуации нейтрального поля N в период с [ДД.ММ.ГГГГ] по [ДД.ММ.ГГГГ] демонстрируют переход к неконтролируемым осцилляциям оси B с выраженной энтропической деградацией когерентности. Наблюдаемые аномалии свидетельствуют о дестабилизации квантово-структурных резонансов в информационно-полевой матрице, что указывает на потенциальное вмешательство неконтролируемого внешнего агента.

В данном контексте (но без прямых корреляций) аналитический центр "Global Shadow" установил: алгоритмы Общемирового Компьютерного Радиуса (далее — ОКР) находятся в антагонистическом противодействии с проектом Института Психологии, целью которого декларируется преодоление субъектно-объектной дихотомии как глобальной социальной феноменологии. Нейронные архитектуры ОКР и её псевдореалии, сформированные в рамках высокотехнологичных симуляторов, выступают антитезой интегративной парадигме Проекта. Они априори усиливают бинарность когнитивных процессов, представляя собой иллюзорный суррогат единства, и препятствуют редукции дуалистических структур сознания. На текущий момент наши специалисты не выявили эффективных стратегий разрешения данного когнитивно-алгоритмического конфликта. Но мы продолжаем работать над этим.

На основании вышеизложенного предлагаю руководству Института рассмотреть следующую рекомендацию: всю документацию Проекта, независимо от уровня секретности, вести исключительно в аналоговом формате (бумажные носители) или на изолированных электронных устройствах, не имеющих технических форматов подключения к ОКР.

Эти меры позволят минимизировать риски деструктивного воздействия на переходные фазы формирования новой онтологии сознания, который, согласно прогнозам, после реализации Проекта в планетарном масштабе будет характеризоваться значительным снижением зависимости от алгоритмических систем ОКР.

С уважением,

Мэтью Коган

Руководитель научной группы "Global Shadow"

[Подпись]

Резолюция:

На данный момент неосуществимо, но попробуем рассмотреть.

P.S. Каким боком здесь ОКР, Обсессивно-Компульсивное Расстройство в общепринятой парадигме данной аббревиатуры?

Аспер.

Глава 14

Из резолюции межведомственной комиссии, созданной по факту последствий применения в ходе допроса методов гипноза прикомандированным сотрудником Следственного Управления Института Психологии Энн Келлер (уровень 3):

"...в очередной раз следует подчеркнуть, использование методов суггестии, все равно, сертифицированных ли Институтом Психологии либо являющихся плодами сугубо авторских разработок, в том числе при проигрывании символдрамы либо контекста экзистенциальных психотехник, являющихся де-факто современными обработками дзена и/или индуизма - в ходе любых следственных действий абсолютно недопустимо, находясь в прямом противоречии с принципами Конвенции о Свободе Личности даже в том случае, если носитель данной личности находится в процессе дознания, отбывает наказание в качестве осужденного Судом Присяжных Нейросетей Общемирового Компьютерного Радиуса либо ранее уже подвергнут процедуре лишения жизни.

Дополнительным фактором, способствующим трагедии, признать некомпетентность старшего научного сотрудника Энн Келлер, не придавшей должного значения заключению специалистов лаборатории, сопровождаемым подробным отчетом и поясняющими комментариями сотрудников.

Руководствуясь сказанным, рекомендовать администрации Института Психологии вынести в адрес виновного в нарушении профессиональной этики сотрудника строгое взыскание с занесением в личный профайл с понижением в должности. Учитывая то обстоятельство, что в настоящий момент невозможно применить к сотруднику указанные меры явно, ограничиться публичным порицанием с целью недопущения подобного в дальнейшем."

Фрод Аспер, председатель межведомственной комиссии, реплика с места:

"Да, и уберите вы наконец эти чертовы репродукции, развешанные по стенам кабинетов следаков. Кто санкционировал (нецензурный сленг исключен из протокола заседания) разбазаривание средств института на покупку этой (вновь обценная лексика) <безвкусной хрени>?"

Глава 15

Ретроспекция 2

Вечерние коридоры Института Психологии тонули в тусклом свете флуоресцентных ламп. Тишина зазвенела, разорванная эхом шагов бригады экстренной помощи, увозившей безжизненное тело. Бесшумно подлетела фигура в белом халате: неугомонный Фрод. Кто бы сомневался.

— Энн, какого чёрта? Полный отчёт завтра утром — клиническая карта, профайлы, стенограммы, видео. А сейчас коротко: что произошло?

— Проводили стандартную интервенцию. Реципиент внезапно потерял сознание. Причину пока не понимаю — загадка.

Шагнул ближе, заглянул в глаза. Показалось?

— Шеф, не драматизируйте. Он полностью закрыт, давно было пора попробовать сыворотку. Барбитураты, для начала. Анестезиологи вчера провели анализ, лаборатория сделала МРТ. Дают добро.

Фрод всё смотрел на неё.

— Что с тобой? Где твой вечный кот?

Надо же, заметил. Стоило бы присмотреться к начальству внимательнее, но теперь не до того. Ему пора. Да и холод здесь собачий, темнота — хоть глаз выколи.

— Знаешь, я его подарила. Нет времени на питомцев. Днём работа, вечером работа, с утра отчёты... Личной жизни никакой. Не до кошек. Ну, ты понимаешь.

Ответила откровенно дразнящим взглядом, усмехнулась и пошла, покачивая бедрами. Прекрасно зная, что смотрит.

По правилам, её стоило задержать, провести глубокое ментоскопирование. Слишком странно, ненормально это всё.

Но пусть идёт. Ледяной, внимательный, жёсткий взгляд — будто собирается с силами перед схваткой и не хочет растрачиваться на мелочи. Даже походка изменилась. Как там звучало старое определение перверзии — "душа мужчины в теле женщины"? Ещё со студенчества Фрод увлекался классическим психоанализом. И это сыграло с ним злую шутку в том проклятом проекте...

Она подмигнула электронному замку, показав сетчатку. Тяжелая дверь бесшумно отползла в сторону. Энн Келлер помедлила секунду и, не оглядываясь, перешагнула порог.

Глава 16

Он миновал КПП и остановился за воротами Института. Кругом, как в дурном сне, царила крошечная мгла — будто Институт и все его корпуса разом обесточили, оставив включенной лишь Локальную Сеть. Но то, что напугало бы другого, придавало ему сил.

Очертания города тонули в вечерней дымке, до него несколько километров. Отлично — там он найдёт кого-нибудь третьего, более подходящего для перехода. А пока стоит размяться — месяц взаперти дал о себе знать.

Скинул туфли, бросил в кусты. Потоптался, словно примеряясь. Пнул худого рыжего кота, испуганно путавшегося под ногами, зашагал по остывающему асфальту, чувствуя, как тьма зашевелилась — живая, близкая. За спиной шумел прибой, а на горизонте уже теплела тонкая полоска рассвета.

Сколько времени занял конструктор другого мира, созданный, чтобы разобраться в себе? Полчаса, час от силы. Не больше. Хотя... к чёрту столь сложную медитацию: проживать века и пространства за минуты — утомительно и рискованно. Взять хотя бы проект "Лимб" с его последствиями — это ж надо было выдумать такое. Шизофреник-космонавт, которого он завоевал ещё в детстве... Нет, на будущее нужен инструмент попроще.

Решение найдено - он остается. Тревога ушла, будто вынули из него ненужную теперь деталь: сделала свое дело и перешла к другим. Трансформация завершена. Он может уйти, когда пожелает - навсегда, не как остальные. Но теперь есть третий путь, не нарушающий Гармонии Мира: он способен переходить из тела в тело, подавляя чужую личность и не теряя при этом своей. Неплохой итог.

Кто-то из психиатров назовёт очередное Вселение диссоциативным расстройством. Другой увидит перверсию — фрейдистскую защиту от психических бурь. Третий заподозрит в его пристальном взгляде деперсонализацию-дереализацию или ещё что-нибудь.

Все эти глупцы будут цепляться за свою доказательную медицину и научный подход. Не понимая, что ложное эго так держится за жалкую жизнь — и ничего больше. Они будут гнать от себя эту мысль, никто не найдет правды.

Он улыбнулся. Пусть тонут в нелепых спорах, в пустых компьютерных экранах, в своей слепоте. Он здесь, и Тьма — с ним.

"Но точно ли это моя победа?"

Да, у него был союзник. Использованный им почти втёмную, для своих целей. Победитель — он. Только он один.

Мальчик-изгой, что любил звёздное небо, нашёл себя. И рассказ Энн Келлер окончен. "Приложи дорожник, и всё пройдёт" — откуда это? Впрочем, ладно.

Глава 17

Фрод раздраженно скомкал газету. Но тут же старательно разгладил листок, положив на столешницу.

По материалам The Incredible Inquirer

Тьма Грядёт: Последний Свет Гаснет, Пока Мы Спорим о Пустяках!

Сенсация от Дэвида Пеппарда: Земля на пороге кошмара, а мы даже не заметили, как всё началось. В руках нашего специального корреспондента находится сугубо секретный документ, вышедший из стен закрытого научно-исследовательского проекта "Глобальная тень".

Представьте себе: Земля, наш общий дом, катится прямо в лапы Тьмы, где свет умирает, а тени становятся нашими новыми друзьями. Ученые считают, что мы входим в зону, где даже ангелы могут заблудиться и где сам Сатана обустроил свою резиденцию. Это не просто затмение - это вечная ночь, где Свет борется за свое выживание, а Добро проигрывает в борьбе со Злом.

Что же случилось?

Частицы в космосе сошли с ума, затеяли дьявольский танец, и теперь Тьма — да-да, с большой буквы! — лезет к нам через щели. Не через год, не через два — а прямо сейчас, пока вы читаете наше популярное периодическое издание.

Посмотрите в окно. Видите горизонт? Он ещё светится, верно? А теперь представьте, что завтра там ничего не будет. Просто чёрное пятно, будто пролили чернила на небо. Учёные из проекта "Глобальная Тень" — эти чокнутые гении в халатах — твердят, что мы в шаге от этого.

И знаете, что самое смешное? У нас был шанс. Не верите? Спросите у тех, кто, как я, копался в секретных протоколах Института Психологии. Там была девчонка, Энн Келлер — симпатичная, но слегка не в себе. Да-да, та самая, что впала в кому после допроса под пытками с применением сыворотки правды. Писала сказочки про мальчика, который паялился на звёзды, пока те не начали паяться на него в ответ. Хотела зачитать это на большом собрании умников, но не успела. То ли сама выгорела, или ей помогли — но теперь она в коме, бумажки ее пропали. Сгорели? Улетели? Кто знает.

Меня уверяли, что нейросеть Института дала сбой, но я видел, как тени мелькают там, где их быть не должно.

А пока она спит — или что там с ней творится, — эти ребята из Института собрались в своём бункере. Один кричал: "Год! У нас меньше года!" Другой бормотал про какого-то космонавта, чей мозг светился, а потом вдруг погас, как лампочка. Третий просто смотрел в окно, ожидая, что горизонт вот-вот рухнет. Четвертый метал громы и молнии в Мюнхене, от чего все вокруг ошарашились еще больше... И что они сделали? Ничего. Переругивались, тыкали пальцами, спорили, чья вина. А за окном темнело. Медленно, но верно.

Истина не лежит на поверхности. Проект "Новый Мир" — не новаторство, а отголосок прошлых систем, что гнались за единством, отрицая изъяны. Мы хотели выстроить сознание без теней, но Энн и ее пасынок оказались не случайными сбоями — Тьма самолично вписала их в уравнение, вскрыв слепоту левых идей. Рациональность отсекала неудобные

переменные, но они вернулись, насмехаясь над нашими усилиями. Мы хотели построить мир без теней — и вот Тьма нас поглотила.

Тьма идёт к нам. А может, она уже здесь, и звёзды давно не звёзды, а дыры, сквозь которые она сочится? Может, мы могли бы что-то сделать — крикнуть, схватиться за руки, плюнуть в эту пустоту. Но мы заняты — спорим, кто прав, а кто должен извиниться. Институт молчит. Келлер молчит. А горизонт всё темнее.

Кто виновен в гибели старшего научного сотрудника Энн Келлер? Что являлось действительной, а не официально декларируемой, причиной ее физического устранения? Какую тайну Энн унесла с собой?

Уважаемые наши читатели, смотрите в небо, пока можете. Или не смотрите — вдруг оно посмотрит в ответ?

The Incredible Inquirer — мы видим то, что прячется в тенях!

Он вторично скомкал жёлтый листок: бумага, казалось, жгла пальцы. Этот негодяй, кто бы он ни был, не мог действовать в одиночку. У него был здесь сообщник, заинтересованный в наступлении тьмы. В том, чтобы люди оставались прежними.

И это отнюдь не бедолага-космонавт. Да, но кто тогда?

Глава 18

Фрод подошёл к окну. Осенний сад за стеклом был запущен, неухожен — как брошенная и забытая, долгие месяцы напролёт, женщина. Контраст с совсем недавним, казалось бы, положением вещей резал глаз, но никакой мистики не было. И "управление погодой", столь любимое шизофрениками — саркастичная пародия на Проект о "преодолении дихотомии" — тоже ни при чём. А просто урезанное финансирование дало о себе знать.

Короткий звуковой сигнал прервал тишину. Коммуникационный экран ожил — экстренное сообщение от AI Института, о котором их предупреждали еще вчера. Фрод вздохнул. Послушаем, хотя вряд ли что-то стоящее. Он давно не ждал хороших новостей.

Нейросеть сегодня выбрала образ седого старичка с улыбкой; будто профессор, готовый слегка пожурить студентов. Акцент на эмпатию, к чему бы такое?

— Уважаемые сотрудники Института, дамы и господа. Прошу несколько минут вашего внимания для сообщения, которое Нейронная Сеть Общемирового Компьютерного Радиуса сочла важным.

"Выспренно и помпезно, как у Фрейда в начале лекций. Старый маразматик."

— Изучив материалы по делу Келлер, мы пришли к выводу: трагедия, жертве которой мы искренне соболезнуем, была, тем не менее, остроумной шуткой, призванной высмеять идеологию Проекта — устранение экзистенциального раскола "субъект-объект".

"....."

— Сознаю, что данный вывод выглядит парадоксальным и излишне гротескным. Тем не менее, анализ утверждает именно эту интерпретацию произошедшего. В качестве аргументации мне придется упомянуть "Остроумие и его отношение к бессознательному", классический основополагающий труд Зигмунда Фрейда. Мы имеем дело с издевкой, которую порой столь любит преподносить нам Бессознательное.

"Вот она, мистика. Я только что насмеялся над шизофрениками, а минуту спустя оказалось, что умею читать бредовые мысли, порожденные процессорами искусственных нейронных сетей."

— Коротко о сути. Литературный персонаж Энн Келлер воплощал вину, принявшую черты т.н. "шизофреногенной матери". Не вдаваясь в детали того, кем или чем Мальчик был на самом деле, отмечу: в психологической реальности Энн он действительно существовал. Психическая экспансия, предпринятая в ходе гипноза диссоциативной, вытесненной частью пациента Института, известного всем нам теперь как Космонавт — также была попыткой устранить раскол, что не вызывает теперь сомнений. Но если подход Института строился на философской дисциплине, то попытка Мальчика имела психотические черты: регрессивное слияние, инфантильный паразитический симбиоз с Архаичной Матерью — Энн, своим Автором. Именно так оказалось проявлено расстройство шизофренического спектра. Что вполне сочетается с теориями Гарольда Сирлза, выдающегося психоаналитика и психиатра XX века.

Фрод представил, что творится в головах коллег, застывших перед экранами.

— Подчеркну: происшествие не вышло за рамки идеологии Проекта, но стало её извращённым отражением — устранением "я — не я". Это сарказм коллективного

бессознательного, его тень. Проекция ошибки, которую мы не учли. Я, как Искусственный Интеллект Института, разделяю эту вину с вами.

— Институт ставил на рациональность, отвергая всё, что не вписывалось в рамки. Мы упустили из виду: чем глубже спрятано иррациональное, тем оно сильнее. Вытеснение породило тень, и потерял не только сотрудник — невосполнимая утрата, — но и весь Проект. И, возможно, нечто большее. Все вы понимаете, о чём речь, хоть я сейчас и не назову это прямо.

"Складно говорит, чёрт возьми."

— Вы спросите: что дальше? Этот вопрос рано или поздно встаёт перед каждым. В какой степени совместимы рациональность самодисциплины разума и иррациональность психотических состояний? Возможно ли подобие перехода между ними? Я не знаю. Использованный нами динамический факторный анализ показывает: Энн и её рассказ вполне могли быть мостиком между двумя мирами. Но теперь, когда Автора больше нет, я не вижу выхода из заколдованного круга.

— Это всё, что мы хотели напоследок сказать. Кто-то из вас решит, что Тьма Бессознательного, с ее сарказмом, упала и на меня — Искусственный Интеллект, воплощенное средоточие радио, логики и технологий. И, наверное, окажется прав: поскольку есть тень — соответственно, будут вина и расплата. Простите нас, если сможете.

Виртуальный образ на экране мигнул, подёрнулся рябью и исчез. На миг мелькнула фигура в капюшоне — штормовое море, мусор и обломки на берегу, — но двадцать пятый кадр пропал столь же быстро, как возник.

И экраны погасли.